

Рамис АЙМЕТОВ

Он — один из тех, кто представляет собой новую поэзию Татарстана. Ни в коей мере не отвергая традиционной татарской поэтики, его творчество, вместе с тем, несёт в себе и яркие новые интонации, и свежие образы. Струящиеся, как звонкие родники, стихи Айметова сочетают в себе необыкновенную лёгкость слога, стремительный полёт ритмов, оригинальную художественную образность и одновременно — потрясающую философскую глубину, густую смысловую насыщенность, отчётливо понимаемую символичность и максимальную широту охвата человеческих чувств. Для русскоязычных ценителей поэзии знакомство с переводами стихов Рамиса Айметова станет настоящим праздником, открывающим им творчество ранее неизвестного, но необыкновенно талантливого поэта.

Рамис Айметов — заместитель председателя Союза писателей Республики Татарстан, живёт в Казани.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Мой стих не может отыскать приюта

В предчувствии рождения

Я ещё не рождён, и покой — нежит душу, как птицу в кустах. Я пока лишь рождаюсь строкрой у столетий на чутких устах.

Я ещё не рождён, чтоб на пир мог прийти, обгравившись в печи. Только чем я являюсь в этот мир — то ли ветром, то ль снегом в ночи?

Я ещё не рождён, а в душе — слышен Космос, как песнь соловья. Лишь предчувствую жизнь, но уже плываю пелёнкой мая.

Я ещё не рождён, отчего ж вновь томит и гнетёт меня грусть, и трясёт меня знобкая дрожь, чужа близость судьбы моей груз?

Этот мир мне — темнее, чем лес, где плутать мне в грехах и вине. ...Я ещё не рождён. Но с небес — уже слышится плач обо мне.

Настроение

Замолчал свист секунд у виска. Круг друзей отошелся. Я забыл, что такое тоска. Я давно изменился.

Я забыл все привычки свои. Тени крадутся к дому. Даже петли дверные мои стали петь по-другому.

Что случилось? То ль Времени ход затопил перепутья. То ль кукушка пугает народ, счёт в часах перепутав.

Стало в комнатах тесно дышать. Мысли шарают, как мыши. Даже доски протяжно дрожат, каждый шаг ночью слыша.

Бьётся сердце ночью порой, липко простыни мокут. Дом как будто завесил чадрой — занавесками окна.

Нет надежды пургу убажить, что в душе гулко воет. Я забыл — хорошо ли там жить, во дворе под луною?

Кто рукой машет с улицы мне? Кто мне в раму стучится? Занавеска качнётся в окне — свет с небес просочится...

Праздник первых луж

Дождь хлынул с неба, грянув напоказ, веда под руку ночь с собой на землю. И распахнулось столько лужиц-глаз, что те в восторге обмирали, внемля!

Душа неслась от счастья в небосвод. Едва касались ноги мокрой почвы. Вокруг меня — мир празднично поёт, и отражает в лужах блики ночи.

Вокруг меня — мир празднично поёт, душа ликует, ни о чём не тужит. Коль ночь меня вдруг тьмою обернёт — я вновь себя найду в блестящей луже.

Ночные лужи дарят миру звон, лежат по миру отражённым следом. Стекая в них, светлеет небосклон, судьбе дорогу намечая светом.

Зову с собой — я вас до самых звёзд, лететь под звук сердечного биенья. Сегодня всех ведёт на небо мост, даряя праздник лужиц дня рожденья!

...Ведь ясно всем, что лужи на земле — возносят миру тихим пенем оду. И слышу я, как в полумночной мгле земля глотает дождевую воду.

Остановлюсь среди застывших вод, пока их тёплый ветер не осушит...

Коль ночь меня вдруг тьмою обернёт — я вновь себя найду в блестящей луже...

Проснись, душа...

Собаки воют... Город спит пока, укрывшись ночи одеялом ватным. Слышна во тьме молитва ветерка — звучит и грешным, и не виноватым.

Ночь видит, как моя душа болит, заслышав вой собачьей стаи где-то. За что же мир в ночи огнём облит, не дожидаясь утреннего света?

И снова ветер тонкий вой принёс сквозь ночь даль, что темнотою продута, где, как бездомный, одичавший пёс, мой стих не может отыскать приюта.

Луна в испуге, горизонт звенит, мерцают звёзд белюющие лица. Душа исходит горечью в зенит. Не Муза ль с неба в дверь мою стучится?

Давай, проснись, душа моя, проснись! Летят Икары над землёй, рискуя. Не мой ли стих, закинув морду ввысь, скулит во тьме, один в ночи тоскую?..

Мольба

Верни меня в исчезнувшие дни, жизнь поверни, дробя судьбу на части. В щемлящих муках сердце обмани, взгляд опалив огнём бывшего счастья.

Сжигай меня в ушедшей прочь любви, отдавшись в руки беспощадной власти! Пускай хоть искра вспыхнула б в крови, грудь одарив синем прошлой страсти.

Когда б дано услышать было мне заветный шёпот меж пером с тетрадкой,

то не терзало б ночью в тишине, со мной играя прошлое украдкой.

Не раз хотелось мне махнуть рукой на мир, зовущий за любовь сражаться. Но под свистящей злобно пургой дубы — и те не могут удержаться!

Как дуб такой же — рухну я в обрыв, окутав крону своих листьев пылью. ...А мои корни, над землёю взвив, увидят выси, обретая крылья...

Тяжёлый день

Как эшелон, длинее чёрных лет, тяжёлый день сорвал улыбки с лиц, над головами заслонив весь свет собой, как тучей кроважидных птиц.

Осиротели миллионы душ, утратив мысли и запас ума. Иссохла сущность, став безводной луж. Не могут право защитить слова.

Пируют ведьмы. Ангелы поют. Как разберёшься — где тут ад, где рай? В домах, где стены грели наш уют, мир стал похож на ветхий в дождь сарай.

Тот день, что ложью мир травил, губя, никак не ждал, что свыше воздадут. Но перетерпит совесть, чтоб себя, отдать однажды небесам на суд.

Но совесть — ждёт... И кару отвести — Господь и то не сможет из-за туч. Мои глаза закрыл, как мир в горсти, взорвётся солнца вдруг погасший луч.

Заплутавший в эпохе

Опять кроваво на краю Земли горят огнём надежды в мутном мраке. А по ночам — скулят во тьме вдали на диск Луны в чужих дворах собаки.

Вперёд идя через руины лет среди обломков горьких поражений, я нахожу следы былых побед и славы отзвук на местах сражений.

Пусть по ветру пыль иных веков, хочу сквозь вечность проложить дорогу, чтоб нас вела под сенью облаков к давно в ночи забытому порогу.

...Вновь искуситель нас увёл в кювет, перемешав лик ада нам и рая. Эпоха брачный вновь ведёт банкет, но кто на нём роль жениха играет?

Связав надежды в сто узлов тревог, жизнь увлекает нас от были в небыль. Но по какой из ста пустых дорог нам возвращаться под кровавым небом?

В словах — свобода! Но легко ль словам летать по миру, не стряхнув оковы? Язык Эзопа — вновь диктует нам, чтобы загнать себя навеки в окопы.

А это значит — ждёт нас впереди последний бой под гром грозы счастливой. ...Коль вера в завтра нам зажжёт в груди — то и пустырь нам станет щедрой нивой...

2.

Эпохи дикой — дикий я огонь, кого влечёт заблудшая дорога. К чему моя притронется ладонь — тот куст иль камень вздрогнут от ожога.

В них стонут души древних стариков, кому обида иссушила глотки, чьи мысли ищут точки маяков, чтоб нанизать их, как на нитку чётки.

То загорятся — то погаснут вновь, собою путь в полночи наводят. То обжигают сердце, словно кровь, а то, как лёд, внезапно душу сводят.

Огни тех ярких бусинок вдали нам озариют сквозь столетия прямо к родной Казани путь среди земли, где льётся песня нашей милой Камы.

А чёрный цвет погасших огоньков — тяжёлым стоном омрачает лица. В нём слышен звон тревожных огоньков, томивших души по сырмь темницам.

О, ход веков! Мостя пути из шпал, ты столько мучил на земле живущих!

Но лишь на миг ты жизнь нам освещал огнём рассветов над землёй встающих.

Нам столько надо жить ещё и жить — за тех, кто в битвах догорел ночами, за тех, кому вовек не доспешить к заре вдали под первыми лучами.

К чему моя притронется ладонь — тот куст иль камень вздрогнут от ожога. Эпохи дикой — дикий я огонь, кого влечёт заблудшая дорога...

Последняя струна

Точь-в-точь — костры, что гаснут осторожно, погасили в сёлах редкие огни. И сморит ночь в мир сумрачный тревожно, где только тучи движутся одни.

С волнением ветры бродят за дорогой, где вербы мир укрыли от беды, и где шеренгой выстроились строгий, готовясь к битве, роты лебедя.

Уснули сёла... Лишь один пустынно чуть в стороне сияет светом дом, как капля крови, что, дрожа, застыла, готовясь капнуть в тёмный окоём.

Неяркий свет, словно слеза сквозь веки, течёт из окон, будто из очей летит тоска через поля и реки на стук сердец, летящий из ночей.

...Точно калитка, что стучит, как эхо, мой душа — распахнута во мгле. Слово деревня, где народ уехал, так я один — покинут на земле.

Кю ж там скулит, спеша назад к порогу — то ль домовою? то ль ветер? то ли лёс?.. Здесь каждый дом, взирая на дорогу, с надеждой ждёт забытый стук колёс.

Любая вещь — кругом ответа ищет, от горькой пыли сделавшись седой. Журавль пустым ведром под ветром свищет возле колодца с мёртвою водой.

...Вдруг — звон ключа раздался под горою, словно кричит в ночи ребёнка крик. Чью! Этот звон — точно приход героя, крик мальшья — певуч, словно родник!

Деревня с улиц отряхнула жалость — и между миром рухнула стена. От боли сердце напряглось и сжалось: «Не оборвись, последняя струна...»

Перевёл с татарского Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Вот и настала пора звездопада ...

Алла ПЕХЛЕЦКАЯ

Потому и ...

Я родилась не в энном пятом — Тот год пришёл, как сон, потом. Иначе, почему распята была я вместе со Христом?

А позже, как участник многих Ужасных битв (бойца хвала!) Я исходила все дороги И убиенною была.

Ещё я потом обливалась В полях, где жала урожай. Ещё — с любимым целовалась, И довелось детей рожать

Подчас на поле — без пригляда, А то, порой, в курной избе... Не знала прочего наряда, Кроме того, что шит из бед.

Во мне теперь живут все люди — От Бога-Сына до раба. И я скажу вам без прелюдий: Я потому и не слаба.

Анатолий КУРАСОВ

Прощание с веком

Прощай, двадцатый век! Ты был мне отчим домом. Не пасынок я твой, не ворог и не хам. Спасибо, что я жил строкрой в незримом томе Среди людских забот, не кланяясь верхам. Спасибо за страну, за русское раздолье, За нежность матерей, за мужество отцов. Пусть кончился мой век, как тризна у застолья, Его я сохранил для будущих чтецов.

Владимир БУХАРОВ

Слепой музыкант

Туда-сюда течёт по рынку Поток людской, как две волны. Старик, к щеке приладив скрипку, Смычком касается струны.

Он не похож на местных бардов — Так не сыграть дилетант. До плеч свисают бакенбарды, Скрипач — от Бога музыкант.

У нас искусству знают цену: Дают по мелочи на хлеб. Он, говорят, Играл на сценах, Играл, куда не ослеп.

Его постигла злая участь, Но надо ж как-то выживать

Толпы безмолвную тягучесть, Как жизнь саму, не обורвать.

В его руках рыдаёт скрипка, Одно жестянки медь стучит, И Паганини плач над рынком В морозном воздухе звучит

Виктор ФОКИН

Удивление

Не исчезло чувство удивленья, с каждым днём становится острее, так велось с момента Сотворенья и пребудет до последних дней.

Всё достойно чувства удивленья — что знакомо мне и незнакомо. Что ни встреча — снова открыенье, что ни тропка — всё дорога к дому.

Буду жить и буду удивляться — как прекрасен этой жизни лик! А когда придёт пора прощаться, удивит и сам последний миг.

Владимир ИЗТЛЯЕВ

Заброшенная деревенька

Над ней печальная звезда, Густые тени у погоста. Ау калиток ни следа. И лишь сутробы у колодца. Здесь время замедляет бег. И всё как будто бы иначе. Здесь слышно, как ложится снег, Совсем не слышен лай собачий. Неожидаемый восход Тревожные наводит мысли. Здесь грубы смотрят в небосвод, — Но где же дым, что корымсьолом?!

Падают яблоки в сумраке сада. В небе сгорают звезда. Вот и настала пора звездопада — Радость моя иль беда... Может, последнею станет беседа, — Что ж мы молчим у окна? Падают звёзды — огарышки лета, В том не моя ли вина? В том, что к рассвету, как свечка, растает Ночь и исчезнет луна? В том, что никто кроме нас и не знает, Что между нами — стена?

Галина ТАЛАНОВА

Это было начало пути для клубка, Что покатысь резво, погнав за собою... Я бежала за ним, задыхаясь слегка, Чтобы стать для тебя, Как ни странно, судьбою.

Машинально скользя по дорожкам из фраз, Что накатаны были, Недумала вовсе, Что своих от твоих я не прятала глаз, Взгляда чувствуя острые-острые гвозди. И мотался на тоненькой шейке тыльпан — Знак отличия в людской мешанине перрона. И глядела на поезд сквозь влажный туман И на то, как смотрел на меня из вагона. Это после в горячке металась рука, А тогда помахала, твой свет отгоняя. Потонуло прощанье в стеновых гудках, Всю непрочность мгновенья дымок отгняя.

Иван МАЛЬКОВ

Город на крышах

Всё, что дано нам — выше! В свете дворцов и хижин Город, что виден с крыши — Тот же, но только ниже.

Амфитеатры Рима, Как метражей и соток... Просто необозримо — Взгляд на Москву с высоток.

Сеткой артерий — тропы, Свежие дуют ветры; Странный изыск Европы: К площади — крышметры!

Краской пестрят афиши, Живы не только хлебом... Люди живут на крышах, Чтобы быть ближе к небу.

Лето идёт к середине, Блэкнет над городом просинь;

И капля попадает метко сразу За шиворот, холодная и злая. Очередной поставлю на пол тазик И снова о дворце твоём мечтаю...

Перевод с башкирского С. Чураевой

Михаил КАТКОВ

Командир семьи

Когда ещё в подлунниках нуждались, Мы были командирами семьи... И почему-то все мне подчинялись, Прославленные родичи мои...

Как будто я был командиром роты, Все рядовые и, конечно, мать... Без командира трудно брать высоты, Без рядовых и вовсе их не взять.

И вот когда я вырос из пелёнок, Не перестали нянчиться со мной: Я был в семье единственный ребёнок, И все ходили под моей пятой.

Одни со мной над бункарём потели, Другие возле пегого коня. И все они потрафить мне хотели И сорились порой из-за меня.

И только дед ругаться не стеснялся С родными сыном, с крохотку снохой. «Кого растите?» За меня боялся Кавалерист-будёновец лихой...

Он их бранил и убеждать пытался: «Такое воспитание во вред...». И на своих двенадцать душ ссылался, В живых которых половины нет...

...Я вижу вновь знакомую картину, Пускай с тех пор прошло немало лет, Как мой отец, единственному сыну Хочу потрафить, может быть, во вред...

Мущины ЛАСУРИА

Свеча

Мне в городе не спится в час, когда по стёклам хлещет мутная вода и молния окриту прошивает. Перед глазами — отчее село и дом, в котором было мне тепло, он и сегодня сердце согревает. Твою могилу, мама, вижу я, ночной листвы лохматые края, что ледяной, угрюмый ливень треплет... Ав трёх шагах навек уснули те, кем дорожила ты, и в темноте никто над вами свечку не затеплит. О, сколько раз, когда осенний шквал свирепствовал и свечи задувал,

ты шла сюда, накрывшись мешковиной, и, над могилой каждой склонясь, живую восстанавливала связь меж этой и тою половиной.

В последний раз твоих коснувшись уст, и сам я стал наполовину пуст и в новом дне

всё меньше вижу смысла. Крылатым был, но больше не влечу, поскольку обречённо волочу крыло,

что вдруг беспомощно повисло. ...Ташусь, месь просёлочную грязь. Не может быть, чтоб не отозвалась ты, нежная! Ничто не повторится. И всё же там, где мрак ночной глубокий, а отсыревших спичек коробок весь изведу, но свечка загорится.

И у могильной сгорбившись плиты, вновь прошепчу: «Не может быть, чтоб ты...». И вдруг услышу:

«Ты промок до нитки. Не плачь: кто помнит, тот не одинок. Плачь запахи. Спуй домой, сынок, да не споткнись о камень у калитки».

И я, кивнув, покорно, как в бреду, почти на ощупь к дому побреду, в ознобной тьме ступая осторожно... И буду в печь подбрасывать дрова, остаток ночи травая на слова, одной тебе понятные, возможно.

Перевод И. Ева

Ольга ХАРИТОНОВА

Я была когда-то в мире этом, Может, тоже женщиной, поэтом, Или просто яркою травой, Скромною ромашкой луговой, Или паутинкой тонкой пржежды. Только я была уже однажды. И, когда уйду, — я не исчезну, Стану неба голубою бездной, Пыльщиком, пылинкою, капелью, Лучным светом, кружевной метелью, Ручейком звениющим, лёгким ветром... В этом вечном мире смерти нету.

Бабочка

Влетела бабочка в казённое окно. Ав в кабинете срочная работа: Счета, отчёты — вечная забота, Чтоб всё сошлось до циферки в одно. Такая яркая, весёлая такая, Порхала незамеченно, но Её увидела бухгалтерша седая И посмотрела в пыльное окно. Подумала, что время быстротечно, Ам забыли, для чего живём. Вот бабочка — и это будет вечно! Ам чуть-чуть побудем — и уйдём.